

**ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ**

**ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН ОБЩЕСТВА
Я. Я. РОГИНСКИЙ**

Н. Н. Миклухо-Маклай

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной 29 апреля 1948 года
в Центральном лектории Общества
в Москве

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

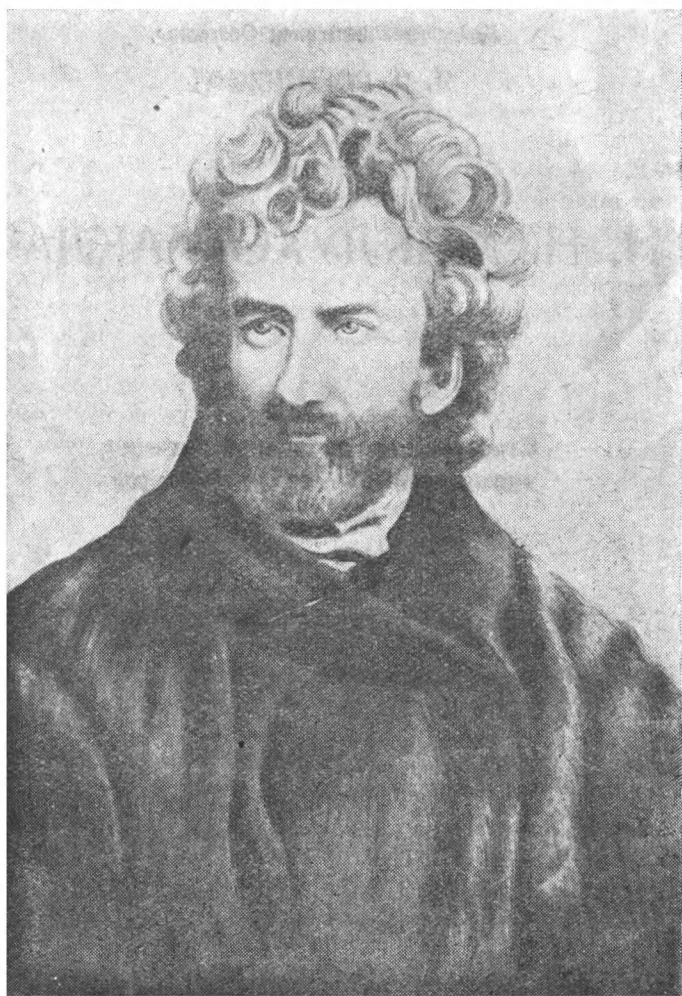
МОСКВА

1948 г.

Действительный член Общества,
Я. Я. РОГИНСКИЙ

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

Стенограмма публичной лекции,
прочитанной 29 апреля 1948 года
в Москве

Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЙ

20 сентября (нового стиля) 1871 г. корвет «Витязь» стал на якорь близ северо-восточного берега Новой Гвинеи, в заливе Астролябии. Здесь решил поселиться бесстрашный русский учёный Николай Николаевич Миклухо-Маклай, чтобы путём непосредственного наблюдения изучить физический облик, культуру и быт туземного населения острова — папуасов.

Папуасы этого берега никогда не видели ранее белого человека. Уровень их материальной культуры соответствовал той стадии развития каменной техники, которая носит название неолита, или «нового каменного века».

Под сенью двух громадных деревьев люди с корвета построили для Миклухо-Маклая хижину размером 14 футов длины и 7 футов ширины, разгороженную пополам перегородкой из брезента. В одной половине должен был поселиться он сам, в другой — его помощник, полинезиец Бой, и швед-матрос Ульсен. Нужна была необычайная смелость, чтобы решиться на осуществление этого плана.

Новая Гвинея имела недобрую славу среди мореплавателей прошлого века. Когда путешественник Дюмон-Дюрвиль (1790 — 1843 гг.) предложил капитану одного из своих судов Пендлтону высадить команду матросов близ новогвинейского побережья, тот отказался выполнить его просьбу, сказав: «Новая Гвинея — это дьявольская земля, у меня имеются о ней ужасающие сведения».

Спутник Миклухо-Маклая Ульсен с первого до последнего дня пребывания на Новой Гвинее был подавлен чувством страха и тоски, а в течение первых месяцев постоянно ждал неминуемой насильственной смерти.

Опасность для незваных пришельцев действительно была вполне реальной, так как папуасы отнеслись к их прибытию с нескрываемой враждебностью и открыто угрожали убить Маклая и Ульсена, Маклай делал вид, что принимает их угрозы в шутку, и не обращал на них внимания: ходил по лесу, посещал деревни папуасов. При его появлении подымалась страшная суматоха: женщины и дети с визгом бросались в хижины или в лес, собаки выли, мужчины с оружием с криком окружали его, не раз пуская в него стрелы так, что они очень близко пролетали около его лица и груди, или размахивали над его головой копьями. Тем не менее Маклай повсюду ходил невооружённый, и единственным его ответом на все выражения их ненависти было молчание и полное равнодушие к окружающему. Папуасы недоумевали, не понимая, почему

Маклай не боится их. А Маклай даже спал в папуасских деревнях, несмотря на копья и стрелы туземцев. Никто не решался нанести ему серьёзную рану. Так продолжалось несколько месяцев.

Постепенно, дав понять папуасам, что он питает к ним полное доверие и уважает их обычаи, Маклай сумел им внушить доверие к себе.

Маклай пробыл на Новой Гвинее 15 месяцев. За это время он вошёл в близкое общение с папуасами. Он оказывал им врачебную помощь, дарил полезные для обихода вещи. Русский человек, «тамо — рус», как они его звали, стал их другом.

Маклай непрерывно вёл напряжённую работу. Он изучал растения и животных острова, собирал метеорологические данные, исследовал географические особенности страны, но главным предметом его наблюдений и раздумий были люди и их культура.

Маклай жестоко страдал от непривычных условий. В тексте русского издания своих «Путешествий» он опустил некоторые даты, но не так давно в Австралии, в городе Сиднее, были найдены его черновики, в которых имеются записи, относящиеся к пропущенным датам.

Вот эти записи:

«Янв. 6. Приступ лихорадки.

Янв. 7. 7.30. Весь день шёл дождь и было холодно.

У меня начинался второй приступ лихорадки в течение дня. Дрожь была всё чаще, каждые пять минут. Несмотря на то, что я очень тепло одет, на мне 2 фланелевых рубашки, 2 пары фланелевых штанов, одно одеяло на коленях и другое на плечах, мне очень холодно, и я чувствую, что мне делается всё холоднее с каждым часом, а также испытываю сильное головокружение. Только крепко подпирая лоб левой рукой, я в состоянии писать.

Весь день вчера и до 6 часов сегодня я не был в состоянии что-либо делать и мог только лежать и терпеливо ждать с ужасающей головной болью, когда пройдёт приступ. Около 6 час. мне стало лучше, но теперь, через час с небольшим, я снова чувствую симптомы нового приступа. Испытав 3 пароксизма в течение 34-х часов, я проглотил 4 гр. хинина (0,5 каждая доза). Не туземцы, не тропическая жара, не густые леса — стража берегов Новой Гвинеи. Могушественная защита туземного населения против вторжения иноземцев — это бледная, холодная, дрожащая, а затем сжигающая лихорадка. Она подстерегает нового пришельца в первых лучах солнца, в огненной жаре полудня, она готова схватить неосторожного в сумерки; холодные бурные ночи, равно как дивные лунные вечера, не мешают ей атаковать беспечного; но даже и самому предусмотрительному лишь в редких случаях удаётся её избежать. Сначала он не чувствует её присутствия, но уже задолго он ощущает, как его ноги словно наполняются свинцом, его мысли прерываются головокружением, холодная дрожь проходит через все его члены, глаза делаются очень чувствительными к свету, и веки бессильно смыкаются. Образы, иногда чудовищные,

иногда печальные и медленные, появляются перед его закрытыми глазами. Мало-помалу холодная дрожь переходит в жар, сухой бесконечный жар, образы принимают форму фантастической пляски видений. Моя голова слишком тяжела, а рука слишком дрожит, чтобы продолжать писать. Только 9 часов, но лучше всего мне лечь.

Янв. 8. Лихорадка.

Янв. 9. Лихорадка.

Янв. 10. Лихорадка».

Какие нечеловеческие силы были нужны, чтобы в этих условиях не пасть духом и не отказаться от своих замыслов! А помощи ни от кого не было. Бой умер вскоре после ухода корвета, а Ульсен не ухаживал за Маклаем даже во время приступов, когда Маклай лежал без движения.

Крыша хижины текла. Столбы, на которых стояла хижина, стали разваливаться, приходилось ставить подпорки, чтобы вся хижина в один прекрасный день не обрушилась. Запасы хины истощались. От двенадцати пар обуви не оставалось ни одной целой. Пришлось, срезав голенища охотничьих сапог, ходить в тяжёлых и неудобных башмаках. На ногах появились незаживающие раны. От сырости запасы спичек оказались негодными, пришлось около семи месяцев рубить большие деревья и, перетаскивая толстые пни в шалаш, поддерживать постоянный костёр. Но все эти трудности не сломили железной воли Маклая и его решимости довести до конца свои исследования. Он продолжал работать не покладая рук.

Как раз в то время, когда между Маклаем и его темнокожими соседями установились тесные, дружеские отношения и он записывал в своём дневнике, что был бы рад остаться несколько лет на берегу, в России пронёсся слух о том, что Маклая больше нет в живых, что он, повидимому, убит дикарями. По ходатайству Русского географического общества на поиски Маклая был послан клипер «Изумруд».

22 декабря 1872 г. Маклай вступил на борт «Изумруда». Он решил отправиться на остров Яву, чтобы там поправиться и набраться сил для новых странствий.

Накануне отплытия к хижине Маклая прибыло много папуасов с факелами из окрестных селений: Бонгу, Горенду, Гумбу и многих других. Они очень сокрушались об его отъезде и после совещания пришли к решению просить Маклая не уезжать и навсегда остаться с ними. Они уверяли его, что в каждой деревне для него будет построен дом и что он сможет для каждого дома выбрать себе из девушек по жене или даже по две жены, «если одной недостаточно». Маклай уехал, но дал слово, что вернётся. В 1876 г., 27 июня, Маклай снова приехал на этот берег, получивший впоследствии его имя. Папуасы сбежались из всех соседних деревень. Многие плакали от радости, однако ничуть не удивлялись его возвращению: они были уверены, что он сдержит своё слово.

Кто же был этот необыкновенный человек и что привело его на Новую Гвинею?

Миклухо-Маклай родился в селе Рождественском, Новгородской губернии, в семье инженера путей сообщения, одного из строителей первой железной дороги в России. Мать Николая Николаевича, Екатерина Семёновна Беккер, была дочерью ветерана Отечественной войны 1812 года. В молодости Екатерина Семёновна была близка к революционно настроенной интеллигенции, лично знала некоторых членов кружка Герцена и Огарёва. Судя по воспоминаниям одного из братьев Николая Николаевича и по другим источникам, мать оказала большое и благотворное влияние на детей, внушая им чувство уважения к людям независимо от их национальности и общественного положения. Отец Николая Николаевича рано умер, и вся семья осталась на попечении матери. В 1863 г. Миклухо-Маклай поступает вольнослушателем в С.-Петербургский университет на физико-математический факультет по отделу естественных наук. Однако уже на следующий год Миклухо-Маклай исключается из университета без права поступления в другие русские университеты за то, что он, «состоя в числе вольнослушателей С.-Петербургского университета, неоднократно нарушал во время нахождения в здании университета правила, установленные для этих лиц» (отношение инспектора университета с.-петербургскому полицмейстеру от 15 февраля 1864 г.). Известно, что Миклухо-Маклай принимал участие в студенческих сходках. Не имея возможности продолжать образование на родине, Миклухо-Маклай был принуждён добиваться разрешения выехать за границу. Разрешение это он получил с большим трудом — только после заключения медицинской комиссии.

По приезде в Германию Миклухо-Маклай поступил в Гейдельбергский университет, где слушал лекции по физике и химии. Через два года Миклухо-Маклай переехал в Лейпциг, где занимался на медицинском факультете, а в 1866 г. — в Иену, более тихий город, чтобы продолжать занятия медицинскими науками. Миклухо-Маклай стал с увлечением изучать сравнительную анатомию животных. Познакомившись с молодым профессором Эрнстом Геккелем, который в то время был уже широко известен в научных кругах как убеждённый сторонник эволюционной теории, Миклухо-Маклай вместе с ним совершает путешествие на Канарские острова для зоологических исследований. Главные объекты его зоологических работ — губки и центральная нервная система хрящевых рыб. В 1868 г. Миклухо-Маклай работает как зоолог в Мессине. В 1869 г. он совершает путешествие на берега Красного моря с целью изучения низших морских животных и выяснения тех влияний, которые должна была испытать индийская фауна в особых условиях обитания, сложившихся в водах Красного моря.

Сравнительно-анатомические работы Миклухо-Маклая обратили на себя внимание учёного мира. В письме знаменитого английского учёного Томаса Гексли к Дорну от 30 апреля 1870 г.

имеется любопытное упоминание о Миклухо-Маклае, сделанное в обычном для Гексли шутиливом тоне: «Мой дорогой Вихрь... находясь между Ковалевским с его асцидиями, Миклухо-Маклаем — с его мозгами рыб, и Вами — с Вашими членистоногими, я заболеваю чахоткой... Между прочим, Миклухо-Маклай был здесь; я достаточно близко его узнал и был поражён его замечательными способностями и энергией. Он собирався в тот же день вернуться в Иену». Таким образом, в период 1866—1870 гг. мы находим молодого Миклухо-Маклая в плееде зоологов-эволюционистов, от-важно прокладывавших новые пути в науке.

Никогда не оставляя зоологии и в течение всей дальнейшей своей деятельности продолжая изучать, когда позволяли ему это обстоятельства, различные вопросы сравнительной анатомии и палеонтологии, с 1869 г. Миклухо-Маклай направляет главное внимание на антропологию и этнографию. Сам он следующим образом объяснял это в одном из писем в Географическое общество (1877 г.): «...меня, может быть, удивляясь, спросит ревностный зоолог: отчего я ради вопросов по этнологии, которая, собственно, не составляет моей специальности, отстранил от себя собиране-ние коллекций? Я отвечу на это, что хотя я считаю вопросы зоогеогра-фии этой местности ¹ весьма интересными... всё-таки я почёл за более важное — обратить моё внимание, теряя при этом немало времени, на *status praesens* ² житья-бытья папуасов, полагая, что эти фазы жизни этой части человечества при некоторых новых условиях (которые могут явиться каждый день) весьма скоро преходящи. Те же райские птицы и бабочки будут летать в Новой Гвинее даже в далёком будущем, и собиране-ние их — восхищать зоолога; те же насекомые постепенно наполнят его коллек-ции, между тем как, почти наверное, при повторных сноше-ниях с белыми, не только нравы и обычаи теперешних папуасов искажутся, изменятся и забудутся, но может случиться, что бу-дущему антропологу придётся разыскивать чистокровного папу-аса в его примитивном состоянии, в горах Новой Гвинее, подоб-но тому, как я искал Оран-Сакая и Оран-Семанга в лесах по-луострова Малайского. Время, я уверен, докажет, что при выборе моей главной задачи я был прав».

Следует иметь в виду, что 60-е и 70-е годы прошлого столетия характеризуются в России и других европейских странах значи-тельным усилением интереса к проблемам антропологии и этногра-фии. В 1859 г. основывается Антропологическое общество в Пари-же, в 1863 г. возникает Антропологическое общество в Лондоне, в 1864 г. по инициативе выдающегося зоолога Анатолия Петро-вича Богданова в Москве основывается Общество любителей есте-ствознания с антропологическим отделом, в 1869 г. организуются антропологические общества в Берлине, в Мюнхене, в Вене, в 1871 г. итальянское общество — во Флоренции. Крупнейшие на-

¹ Новой Гвинее.

² *Status praesens* — теперешнее состояние.

туралисты обращаются к проблемам антропологии. Чарлз Дарвин публикует два труда: «Происхождение человека» (1871 г.) и «О выражении эмоций» (1872 г.), — в которых применяет открытые им принципы эволюционного учения к проблеме происхождения человека. Не меньший интерес вызывали вопросы, касающиеся человеческих рас. Споры шли о проблеме, волновавшей умы ещё в XVIII столетии и ранее: составляет ли человечество единый вид или ныне живущие расы, то есть белые, негры, монголы, папуасы и другие,— это резко отличные друг от друга виды? Сторонники первой точки зрения получили название моногенистов, сторонники второй — полигенистов. Моногенисты утверждали, что человек возник или был создан в одном месте; расселение его потомков в разных областях земного шара привело к образованию расовых различий под влиянием климата и других географических условий. Полигенисты, наоборот, стремились доказать, что белые, негры, монголы и другие расы возникли независимо в различных местах и резко отличаются друг от друга неизменными и глубоко заложёнными в их природе свойствами. История этого спора представляет большой интерес. В течение очень долгого времени моногенизм рассматривался в обществе как направление, дружественное церкви. Он укреплял догмат о происхождении людей от одной пары предков в одном месте в «святой» земле. Противники церковной догматики тем самым склонялись к защите позиций полигенизма. Полигенизм защищали некогда Джордано Бруно, Вольтер, позднее Шарль Фурье. Среди французских антропологов начала XIX в. сторонниками полигенизма были Бори, враг католической церкви и реставрации Бурбонов, и Демулен, бунтарь, поссорившийся с всемогущим тогда в науке Кювье, а также со многими другими крупнейшими во Франции авторитетами в области зоологии. Однако связь антиклерикализма с учением о множестве центров происхождения человеческих рас была, в сущности, случайной. Полигенизм использовался в борьбе с церковью как любое другое средство опровержения установленных догм. Подлинная общественная роль полигенизма выяснилась с полной очевидностью только в Америке, в эпоху обострения вопроса о торговле неграми и войны Северных и Южных штатов. Полигенисты оказали своими работами поддержку сторонникам рабства. Утверждая, что негры принадлежат к совершенно отличной от белых по своему происхождению породе людей, они тем самым позволяли, ссылаясь на данные «науки», не применять к неграм обычных норм морали. Интересно при этом, что некоторые американские полигенисты стремились обосновать свои взгляды текстами из священного писания.

Эволюционная идея, утверждённая трудами Дарвина, оказалась в двойственном положении в этом споре. С моногенистами её связывало убеждение последних в далеко идущей способности к изменению расовых признаков; с полигенистами — общая борьба против церковных традиций. Кроме того первые сторонники дарвиновской теории, в отличие от самого Дарвина, вступили на путь

признания лжеучения о «низших» и «высших» расах у человека, независимо от вопроса, в одном или разных центрах они произошли. Эволюционисты искали в темнокожих расах недостающее «промежуточное звено» между человеком и обезьяной. Для понимания того места, которое занял в антропологии Миклухо-Маклай, нужно представить себе расстановку сил в этой борьбе мнений рассматриваемой эпохи.

На заседаниях Парижского антропологического общества в конце 60-х и начале 70-х годов шли бурные споры между сторонниками и противниками теории Дарвина о происхождении видов. В большом докладе (19 мая 1870 г.) на тему «Творение и трансформация» Дюран де Гро, горячий защитник дарвинизма, спрашивал собрание: не ближе ли бушмен и австралиец к обезьяне, чем к афинянам века Перикла или к европейцам века пара и электричества? Он был далеко не одинок в этом убеждении. Кто же выступал в качестве защитников равенства рас? Противники эволюционной теории. Священник Монрузье, миссионер на о. Новая Каледония, в письме от 25 мая 1869 г. с неодобрением писал о попытках видеть в туземцах Новой Каледонии существа, близкие к антропоморфным обезьянам. Их пороки и узкий кругозор их ума — это результат грехопадения. В дикаре, писал он, я вижу падшего короля, чело которого, однако, всегда отражает свет утраченного им величия.

Аналогичная картина наблюдалась в Германии. Пропагандист учения Дарвина, зоолог Карл Фогт в своих выпадах против антидарвинистов не довольствовался утверждением о родстве человека с обезьяной: он шёл гораздо дальше. Везде, где были обезьяны, утверждал он, они могли превратиться в людей. Он не видел никаких оснований сомневаться в том, что американские индейцы могли произойти от американских обезьян, негры — от африканских, негритосы — от азиатских. Фогт, кроме того, настойчиво подчёркивал анатомическое сходство негров с обезьянами. Так же отрицательно относился к «догматическому» утверждению антропологов о видовом единстве человечества и Эрнст Геккель. Морфологические различия между расами, по его мнению, больше, чем между видами животных, а иногда и чем между родами. Геккель настаивал на том, что негры, папуасы, ведды, дравиды по своим умственным способностям якобы дальше отстоят от выдающихся людей белой расы, чем от антропоморфных обезьян. Для полноты созданного им родословного древа человека Геккель ещё в 60-х годах придумал гипотетическое существо «обезьяночеловека» — «питекантропа», — которое должно было заполнить пробел между обезьянами и людьми. Но костные остатки такого существа были найдены, как известно, только в мае 1891 г. на острове Ява. Где же было искать доказательств существования форм переходного характера? Геккель без всяких оснований полагал, что приближение к образу нашего животного предка представляют современные отсталые по культуре народности.

В примечании к цитированному выше письму Гексли Миклухо-Маклай назван «другом Геккеля». Сохранилась фотография 1866 г., где Миклухо-Маклай и Геккель сняты на одном из Канарских островов в дружеской позе. В этот период Геккель обдумывал и готовил свою «Естественную историю творения», где предполагал в общедоступной форме изложить основные идеи своего капитального труда «Общая морфология», только что увидавшего свет. Миклухо-Маклай, без всякого сомнения, был благодарным слушателем научных планов и мечтаний своего старшего спутника и руководителя. Следует вспомнить, как близко к сердцу принял Миклухо-Маклай в Мессине (1868 г.) идею Дорна об организации морских станций для изучения живой природы. Он сам впоследствии потратил немало сил для основания такой станции в Сиднее. Жадно набираясь новых впечатлений, знаний и идей в кругу борцов за эволюционное мировоззрение, молодой русский учёный, казалось бы, мог пойти по их стопам в области расовых проблем. Одним из самых важных фактов в биографии Миклухо-Маклая следует считать то обстоятельство, что он не последовал за своими учителями. Миклухо-Маклай не поверил, что существуют «низшие» расы. Он пошёл своим собственным путём, обесмертившим его имя. Он поставил своей целью, поселившись среди «дикарей», изучить на месте их жизнь и физический тип. Впоследствии, в 1878 г., Миклухо-Маклай писал по этому поводу: «Если мысль Дарвина, высказанная им в конце описания своего кругосветного путешествия, что невозможно передать различия между диким и цивилизованным человеком, совершенно верна, то мне кажется, ещё далее менее возможно, имея единственно книги источником своих сведений, составить себе понятие, до чего дошли или могут дойти эти так называемые дикие, и решать за письменным столом даже с помощью всех библиотек Европы, но без собственного внимательного наблюдения, степень и направление интеллектуального развития различных от нас рас».

Несомненно, что на этот ход мыслей Миклухо-Маклая повлияли благородные традиции, которые складывались в молодой русской антропологии этой эпохи. Напомню, для примера, о вышедшей в Петербурге, в 1849 году книге русского автора, путешественника и исследователя Егора Петровича Ковалевского, «Путешествие во Внутреннюю Африку», в которой он с удивительной для того времени силой и убедительностью оспаривал расистскую точку зрения на негров, как на «низшую» расу. Напомню также о борьбе, которую вёл против полигенизма академик Бэр. Вся дальнейшая жизнь Миклухо-Маклая показала правильность избранного им пути.

Почему выбор Миклухо-Маклая остановился на Новой Гвинее? В архиве Государственного географического общества сохранилась запись Миклухо-Маклая, которая даёт ответ на этот вопрос. Миклухо-Маклай хотел исследовать племена людей, оставшихся в течение очень долгого времени вне всяких влияний со стороны цивилизации. Этому требованию в полной мере удовлетворяли папуасы

северо-восточного побережья Новой Гвинеи. Среди всех островов Меланезии Новая Гвинея по своей величине и по своей неизведанности занимала первое место. Миклухо-Маклай справедливо полагал, что более изолированные и менее подверженные смешению с другими племенами жители Новой Гвинеи могут оказаться своего рода исходной группой для сравнения с остальными темнокожими народами, разбросанными по Малайскому и Меланезийскому архипелагам. Миклухо-Маклай ставил себе следующие задачи: во-первых, выяснить антропологическое отношение папуасов к другим расам, почти ещё не установленное; во-вторых, по возможности определить распространение этой расы, что помогло бы бросить свет на проблему заселения Океании человеком. Кроме того Новая Гвинея представляла огромный интерес с зоологической точки зрения. На выбор Миклухо-Маклая, наконец, повлияло мнение престарелого учёного, академика Бэра, который считал не только желательным, но и научно необходимым произвести как можно более полные исследования папуасов.

В 1869 г. Миклухо-Маклай обратился с предложением к Русскому географическому обществу помочь ему осуществить путешествие на Тихий океан, с длительной остановкой на Новой Гвинее.

Учёный секретарь Географического общества и председатель отделения физической географии П. П. Семёнов горячо поддержал молодого исследователя. Совет Общества принял постановление ходатайствовать перед морским министерством о предоставлении Миклухо-Маклаю возможности совершить свой переезд из России в Новую Гвинею на военном судне. 27 октября 1870 г. Миклухо-Маклай с кронштадтского рейда отправился в плавание, которое было началом его долгих путешествий в южных морях.

* * *

Миклухо-Маклай охватил своими наблюдениями и исследованиями огромную территорию. Маршрут «Витязя» проходил через острова Пасхи, Питкайрн, Мангареву, Таити, Самоа, Ротума. Таким образом, Миклухо-Маклай, прежде чем попасть на Новую Гвинею, мог познакомиться с разными типами жителей Полинезии. После отъезда с берега Маклая Миклухо-Маклай во время стоянки клипера «Изумруд» в Маниле предпринял экскурсию внутрь острова Люсона (Филиппинские острова) для изучения негритосов. В течение последующих лет Миклухо-Маклай ещё два раза посетил берег Маклая (1876, 1883 гг.), один раз побывал в юго-западной части Новой Гвинеи, на берегу Папуа-Ковиай (1873 г.) и два раза на южном побережье Новой Гвинеи (1880, 1881 гг.). В 1874 и 1875 гг. он совершил два труднейших путешествия в глубину Малакки, где изучал курчавоволосые племена пигмеев — древнее население полуострова. В 1876 г. Миклухо-Маклай посетил острова западной Микронезии и северной Меланезии. В 1879 г. он проделал большое путешествие по островам Меланезии, был на Новой Каледонии, на Новых Гебридах, на островах Адмиралтейства, на

Агомесе, на Соломоновых островах и других. Начиная с 1878 г. местом для стационарной работы Миклухо-Маклай выбрал город Сидней. После тяжёлого заболевания ему был необходим мягкий климат и возможность заниматься научными исследованиями в благоприятных условиях. Из Сиднея Миклухо-Маклай предпринял несколько поездок по австралийскому материку.

В результате своих наблюдений и исследований Миклухо-Маклай собрал богатейшие материалы по антропологии и этнографии Океании. Наука обязана Миклухо-Маклаю превосходным описанием многих расовых типов этой области, а также почти исчерпывающими данными по материальной культуре папуасов северо-восточного берега Новой Гвинеи, никогда не подвергавшихся ранее изучению. Миклухо-Маклай установил с полной точностью распространение темнокожей расы с курчавыми волосами — характерной для Новой Гвинеи и других островов Меланезии — далеко за пределами этой области. Он убедился в очень большом сходстве с хорошо ему знакомыми папуасами негритосов острова Люсона, а также семангов полуострова Малакки. Двигаясь из островного мира с востока на запад по направлению к азиатскому материку, Миклухо-Маклай как бы шёл навстречу движению той древней волны племён, которая некогда перемещалась с востока на запад, с континента Азии через Индонезию в Тихий океан.

Миклухо-Маклай не ставил себе задачи подтвердить какую-либо заранее одобренную им теорию. Маклай поставил себе в качестве обязательного условия соблюдение строжайшей точности и объективности при изучении расовых типов. Он не мог иначе надеяться разрешить те противоречия, которыми была так полна антропологическая мысль в описываемую эпоху. Однако установление на юге азиатского материка расового типа, близко родственного папуасам и в общем сходного с африканскими неграми, имело существенное значение для проблемы первоначального расселения человечества на земле. В 1879 г. французский антрополог Катрфаж писал о том, что был один центр происхождения человека и что он, по всей вероятности, находился где-то не очень далеко от горных массивов Центральной Азии, так как именно здесь и больше нигде в мире сходятся близко все три большие расы человечества — «белая», «жёлтая» и «чёрная» (последняя в более или менее смешанном виде). Таким образом, установленное Миклухо-Маклаем с исчерпывающей точностью наличие на азиатском материке негритосской расы было связано с антропологическими вопросами принципиального значения.

Однако ещё большее значение имели те наблюдения Миклухо-Маклая, которые впервые опровергли сложившиеся в научных кругах ложные взгляды на папуасов как на расу, в корне отличную по ряду признаков от всех человеческих рас. В дневнике под датой 3 января 1872 г. у Миклухо-Маклая записано: «Особое распределение волос на голове считается специальной особенностью папуасской породы людей. Уже давно мне казалось невероятным

утверждение, что волосы папуасов растут на теле пучками или группами. Но громадный «парик» моих соседей не позволял ясно убедиться, как именно волосы распределены. Присматриваясь к распределению волос на висках, затылке и верхней части тела у взрослых, я мог заметить, что особенной группировки волос пучками не существует, но до сих пор коротко обстриженную голову туземца мне не случалось ещё видеть. После завтрака, лёжа в своём гамаке, я скоро заснул. Свежий ветер качал мою койку. Сквозь сон услышал я голос, зовущий меня, и, увидев зовущего, я сейчас же вскочил. Это был Колле из Бонгу с мальчиком лет девяти, очень коротко обстриженным. С большим интересом и вниманием осмотрел я его голову и даже срисовал то, что показалось мне более важным. Я так углубился в изучение распределения волос, что моим папуасам стало как-то жутко, что я смотрю так пристально на голову Сыроя (имя мальчика), и они поспешили объявить мне, что должны идти. ...Волосы растут, как я убедился, у папуасов не группами или пучками, а совершенно так же, как и у нас. Это, на взгляд многих, может быть, очень незначительное, наблюдение разогнало мой сон и привело в приятное настроение духа». Впоследствии Миклухо-Маклай смог подтвердить свой вывод ещё целым рядом наблюдений. Его значение заключалось не только в том, что он устранял частную ошибку из расовой антропологии. Он заставлял задуматься над самой тенденцией отыскивать только различия между расами человека, игнорируя черты их сходства, хотя последние могут иметь ничуть не меньшее значение для понимания истории развития человеческих рас. Следует напомнить, что о пучкообразном распределении волос папуасов писали в то время очень многие авторитеты в антропологии.

Такое же значение имели наблюдения Миклухо-Маклая, касавшиеся кожи папуасов. В своих антропологических заметках о папуасах берега Маклая он писал: «Я никоим образом не могу согласиться с авторами, которые приписывают папуасам какую-то особую жёсткость кожи... Не только у детей и женщин, но и у мужчин кожа гладкая и ничем не отличается в этом отношении от кожи европейцев. То обстоятельство, что здесь многие страдают psoriasis'ом и вследствие этого имеют кожу, покрытую сухими чешуйками, не представляет ещё расовой особенности; понятно также, что если многие другие смазывают кожу в течение многих лет особым сортом глины, то неудивительно, что она становится у них несколько грубее. Наконец, также ясно, что кожа у людей, постоянно всюду ходящих нагими и подвергающих себя действию солнца и всем переменам погоды, не может быть так же нежна, как кожа людей, защищающих себя платьем. Одним словом, какую-то особую жёсткость или грубость кожи никоим образом нельзя приводить в качестве одного из признаков, отличающих папуасов от остальных людей».

Для антропологии того времени большое значение имели выводы Миклухо-Маклая о том, что расовые признаки у папуасов

и других народностей Океании обнаруживают значительные вариации. Так, большинство путешественников писало о чёрном, даже синевато-чёрном цвете кожи меланезийцев. Миклухо-Маклай внёс существенную поправку в это суждение. Хотя тёмная окраска кожи действительно свойственна жителям многих островов Меланезии, однако этого нельзя утверждать относительно всех папуасов: между ними, в особенности у горных жителей, Миклухо-Маклаю попадались жёлто-коричневые люди, не темнее самых светлых полинезийцев острова Самоа. В общем оказалось, что цвет кожи варьирует в широких пределах, не меньше, чем у многих других рас. Тем самым граница между расами делалась гораздо менее определённой и не столь резко очерченной, как полагали сторонники полигенизма. То же самое было установлено Миклухо-Маклаем относительно количества волос на теле. Скудный или обильный рост волос на теле оказался подверженным у папуасов подобным же индивидуальным колебаниям, как и у других человеческих рас.

Особого внимания в этом смысле заслуживают индивидуальные вариации в форме черепа, именно в величине так называемого головного указателя. Головной указатель представляет собой величину умноженного на сто отношения ширины головы к длине головы. Головы, вытянутые в длину и относительно узкие, называются долихокефальными; относительно широкие и короткие носят название брахикефальных. Названные термины были впервые предложены в 1842 г. шведским антропологом А. Рециусом, профессором Стокгольмского университета, без точного изложения приёмов измерения, необходимых для получения величины головного указателя. При этом весьма поучительно, что А. Рециус, до 1852 г. не высказавшийся по вопросу самой методики работы, выставил, однако, нелепую идею о том, что все древние народы Европы, включая сюда и Великобританию, были брахикефалами, что эта полудикая раса господствовала в Европе в течение каменного века, до тех пор, пока из Азии не вторглась в европейские страны более цивилизованная долихокефальная раса, говорившая на арийском языке, обладавшая орудиями из бронзы. Эта раса будто бы завоевала и уничтожила древнюю расу, остатки которой сохранились только у финнов, у лопарей и у басков. Ложность этой теории была с очевидностью показана французским антропологом Полем Броком в начале 70-х годов. Однако она нашла большое число сторонников и в разных вариантах использовалась в течение многих последующих десятилетий для лженаучных расистских построений о превосходстве северной расы над другими расами Европы. Даже те антропологи, которые не были склонны выходить за пределы, допустимые для научного знания, и не превращали науку в оружие националистических тенденций, тем не менее очень часто переоценивали в то время значение головного указателя. Головной указатель, по представлению большинства антропологов середины и конца прошлого века, казался важнейшим расовым при-

знаком, так как полагали, что он позволяет разграничить наиболее резко очерченные расы: монгольскую, европейскую, негрскую,— а также, что он является гораздо более устойчивым, чем все другие расовые особенности, например чем цвет кожи. Последующие антропологические исследования показали, что эти представления ошибочны. Оказалось, что в границах больших рас имеются и долихоцефальные и брахицефальные группы и что головной указатель народности в сравнительно короткие сроки, в течение нескольких столетий, может претерпеть довольно значительные изменения, и притом без всякого смешения этой народности с другими. Многочисленные факты такого рода, собранные в новейшее время, конечно, не лишили головной указатель значения как одного из признаков систематики. Однако они опровергли целый ряд теорий, которые использовали этот признак для преувеличения древности и глубины различий между расами. Миклухо-Маклай был одним из первых антропологов, поставивших под сомнение такое значение формы черепа. Какое значение придавал сам Миклухо-Маклай этому вопросу, видно из его письма к академику Бэру от 2 апреля 1873 г. «Главный вопрос, касательно негритосов, который вы мне предложили решить, — писал он, — был: действительно ли негритосы Филиппинских островов брахицефалы? На это я отвечу положительно, да... Перейду к другому вопросу, представляющемуся по решению первого: так как негритосы брахицефалы, папуасы же долихоцефалы, то действительно ли принадлежат они к одной и той же расе? На это я снова отвечу: да, — и вот на каком основании. Первого взгляда на негритосов мне было достаточно, чтобы признать их за одно племя с папуасами, которых я видел на островах Тихого океана и с которыми я прожил 15 месяцев в Новой Гвинее. Я был даже поражён сходством физиономий Новой Ирландии и Новой Гвинее, которых лица, так как я со многих снимал портреты, ясно сохранились у меня в памяти». В итоге Миклухо-Маклай делает вывод, что «...хотя негритосы Люзона и брахицефалы, но... они положительно принадлежат к племени папуасов». Миклухо-Маклай в этом своём утверждении, без сомнения, обогнал многих современных ему западноевропейских учёных, для которых различия в головном указателе были достаточным критерием для абсолютного разделения двух рас.

Тщательно отмечая все расовые особенности папуасов, какие только ему удавалось подметить, Миклухо-Маклай в то же время никогда не спешил делать выводы о наследственной природе того или другого их свойства. В антропологической литературе того времени, да и в позднейших работах очень много говорилось о таких анатомических особенностях темнокожих рас, по которым они якобы приближаются к обезьянам. Таковы, например, были утверждения о слабом развитии у негров икроножной мускулатуры, как известно, играющей важнейшую роль в прямохождении человека. В записи от 8 декабря 1871 г. Миклухо-Маклай отмечает,

что у папуаса Лалая, который приехал в пирóге из Били-Били, очень плохо развиты икры. При этом он прибавляет, что было бы неправильно придавать этому обстоятельству значение расового признака, так как постоянное сидение в пирóге и сравнительно неподвижная жизнь Лалая на маленьком острове не могли содействовать развитию мышц голени: «У горных жителей икры прекрасны развиты, как я это заметил у проходивших туземцев-горцев». Многие зарубежные авторы приводили в доказательство «низшей организации» темнокожих рас сравнительно бóльшую подвижность большого пальца на стопе и его значительное отстояние от второго пальца. В статье «Антропологические заметки о папуасах берега Маклая» Маклай отказывается видеть в этом признак расы: «Я заметил, что у многих папуасов большой палец ноги отстает от остальных на 2 — 2,5 см; это во многих случаях оказывается им очень полезным, так как даёт возможность держать ногой даже крупные предметы. Очевидно, эта особенность — приобретённая, так как в большинстве случаев тот же палец на левой ноге не бывает настолько отодвинут от прочих пальцев».

Интересно напомнить о наблюдении, сделанном французским антропологом Бори в начале XIX века, о такой же особенности стоп у тех французских крестьян, которые с юных лет занимаются добычей смолы и принуждены взбираться на высокие стволы деревьев, пользуясь при этом отведением первых пальцев ступни; Бори, по его словам, умел с детства отличать следы их ног по наличию промежутка между большим и вторым пальцами. Внимание Миклухо-Маклая привлекла большая кривизна позвоночника в поясничном отделе у папуасов по сравнению с европейцами. Однако и тут он предостерегает от того, чтобы приписать это свойство наследственности, и делает предположение, что большая кривизна позвоночника стоит в связи с большим, тяжёлым животом, так как для поддержания равновесия приходится отгибать верхнюю часть туловища назад, отчего спина в поясничной области загибается вперёд, как у женщин в позднем периоде беременности. Животы же увеличиваются в объёме от необходимости употреблять пищу в очень большом количестве, что в свою очередь вызывается крайней скудостью животной пищи и, с другой стороны, огромной затратой физических сил при работе, совершаемой примитивными деревянными и каменными орудиями. Исключительно вдумчивое отношение Миклухо-Маклая к наблюдаемым фактам делает его исследования и описания виденного образцовыми и заслуживающими тщательного изучения.

Все тенденциозные утверждения о не вполне совершенной способности к двуногому вертикальному хождению темнокожих рас Океании, о специальных пережитках древесного образа жизни в их анатомии оказываются полностью опровергнутыми наблюдениями Миклухо-Маклая. Во многих местах своих дневников он упоминает о ловкости, быстроте, грациозности движений папуасов. «Лес, освещённый ярким светом горящих сухих листьев, представлялся ещё

красивее и фантастичнее, чем днём. Я любовался также моими спутниками, их быстрыми и ловкими движениями: они держали факел над головой, а копьём отстраняли нависшие ветви лиан, местами преграждавшие нам путь» (17 ноября 1871 г.). Вот описание молодого папуаса Бонема, сына друга Маклая — Туя: «Стоя на платформе пироги с большим луком и стрелами в руках, внимательно смотря по сторонам, следя за рыбой, грациозно балансируя при движениях маленькой пироги, он был каждую минуту готов натянуть тетиву и спустить стрелу; его фигура была, действительно, очень красива» (28 декабря 1871 г.).

Особенно большое значение имели наблюдения Миклухо-Маклая, касающиеся психических свойств папуасов. Наиболее предвзятые и необоснованные мнения о темнокожих расах, распространявшиеся в западноевропейской и американской литературе, относились именно к их психике. На заседаниях Лондонского антропологического общества в шестидесятые годы прошлого столетия обсуждались способности к культурному развитию негров и сходных с ними рас. Самым энергичным сторонником расового неравенства заявил себя основатель Общества и издатель Антропологического обзора д-р Джемс Гент. Его «заслуги» в унижении темнокожих рас были особенно высоко оценены в американской печати. Дневники Миклухо-Маклая опровергли вымыслы о психической неполноценности меланезийской расы. «Рассматривая их постройки, пироги, утварь и оружие и убеждаясь, что всё это сделано каменным топором и осколками кремня и раковин, нельзя не поразиться терпением и ловкостью этих дикарей». «Можно было подивиться предприимчивости и трудолюбию туземцев, тщательной обработке земли». «Я часто удивлялся, как быстро и целесообразно всё приготавливалось, без всякой толкотни и крика». «Я мог только удивляться работе, сделанной таким примитивным орудием, как каменный топор». Миклухо-Маклай описал замечательную сцену, когда Туй не только указал ему ошибку, допущенную им при составлении географической карты местности, но и сам внёс на карту необходимые исправления, хотя до этого времени никогда не держал в руках ни карандаша, ни бумаги. На архипелаге Пелау Миклухо-Маклай обнаружил зачатки образного письма в виде вырезанных на деревянных карнизах общественных домов фигурок, представляющих разные события и сцены из жизни туземцев. Миклухо-Маклай привёл убедительные доказательства в пользу того, что идея делать эти фигурки не могла быть внушена туземцам европейцами. Ранние стадии такого фигурного письма он встретил и у папуасов берега Маклая. Вынеся твёрдое убеждение в способности океанийских рас к дальнейшему прогрессу, Миклухо-Маклай, естественно, не мог не прийти к выводу о том, что культурные особенности народов, их язык, обычаи, верования не связаны с расой. Во время своего пребывания на южном берегу Новой Гвинеи в 1880 г. Миклухо-Маклай вступил в спор с миссионером Чальмерсом, который полагал, что решающим фактом для опреде-

ления расовой принадлежности туземцев с острова Варе должны явиться данные, касающиеся их языка и мифологии. Миклухо-Маклай указал, что определение расы зависит от исследования физического типа и что для этой цели «мифология никогда не может иметь одинакового значения с антропологическими наблюдениями».

Работы Миклухо-Маклая в области этнографии папуасов имеют не меньшее значение в науке, чем его антропологические исследования. Особенно большую ценность представляют собранные им материалы по культуре папуасов залива Астролябин. Со свойственной Миклухо-Маклаю добросовестностью, точностью и крайней требовательностью к своей работе он обогатил этнографию почти исчерпывающими данными по материальной культуре туземного общества и дал яркую и полную жизни картину его существования. Очерки Миклухо-Маклая знакомят нас с природными условиями района, его климатом, растительностью, животным миром. Дружеские отношения Миклухо-Маклая с папуасами позволили ему проникнуть в такие детали их жизни, которые, без сомнения, остались бы недоступными для всякого постороннего исследователя. Исследования Миклухо-Маклая охватили технику папуасов, их хозяйство, т. е. земледелие, рыбную ловлю, охоту, начатки животноводства; ценнейшие сведения были собраны им по родовому строю папуасов, по их семейным и брачным обычаям, по организации управления, по верованиям, по изобразительному искусству. Правда, трудности, которые пришлось преодолеть Миклухо-Маклаю при изучении языков папуасов, были настолько велики, что помешали ему составить вполне отчётливое представление об их социальном строе. Кроме того этнографы той эпохи ещё не обладали системой общетеоретических воззрений на первобытное общество. Тем не менее факты, добытые Миклухо-Маклаем, имеют важное значение для разработки этнографических проблем общего характера.

Так, исключительно большой интерес представляют результаты изучения Миклухо-Маклаем языков папуасов. Оказалось, что языки их чрезвычайно раздроблены. «Почти в каждой деревне,— говорит Миклухо-Маклай,— своё наречие. Деревни, удалённые на четверть часа ходьбы, имеют уже несколько различных слов для обозначения одних и тех же предметов; деревни, отстоящие на час, говорят иногда на столь различных наречиях, что почти не понимают себя взаимно». Лингвистические различия деревни Богадым и Бонгу, например, не меньше, чем различия между немецким и английским языками.

Материалами для изготовления орудий служили папуасам камень, кость, раковины, дерево, бамбук. Бамбук шёл на изготовление ножей и наконечников стрел. Основным орудием производства был каменный топор, обычно тщательно отшлифованный на точильном камне-песчанике. Миклухо-Маклай писал, что над деревом в 14 см в диаметре двум папуасам приходится работать, если они хотят срубить его аккуратно, не менее получаса. Это даёт пред-

ставление о том, какого огромного труда требует создание необходимого для обихода инвентаря при отсутствии железа.

Основной хозяйственной деятельностью папуасов залива Астролябии являлось земледелие. Главными из культивируемых растений были таро, ямс, дегарголь, бобы, некоторые масличные растения, сахарный тростник, бананы, кокосовая и арековая пальмы, табак, бетелевый перец.

Охота играла второстепенную роль вследствие бедности дичью района залива Астролябии. Она велась главным образом на кабанов, причём в облаве принимали участие женщины и дети. Основным оружием служил лук. Домашними животными папуасов были свинья и собака, близкая к австралийскому динго. Папуасы держали собак главным образом для пищи, так как собачье мясо считалось лакомством. Куры водились в полудиком состоянии, и их ловили силками.

По данным Миклухо-Маклая можно заключить, что население папуасской деревни состояло из членов одного и того же рода. Папуас мог жениться только на женщине из другой деревни. Таким образом, брачные отношения регулировались правилом экзогамии. Каждая деревня обладала своим земельным участком, который ограждался от участков соседних деревень камнями, ручьями, реками, деревьями. В каждой деревне был свой общественный дом, место собраний взрослых мужчин, управлявших жизнью деревни. Родство считалось по мужской линии, однако наблюдались очень интересные исключения. Этнографы сейчас приходят к мнению, что папуасский род был организован на материнском начале¹.

Весьма интересны факты, устанавливающие, что производство и потребление у папуасов носили коллективный характер и что общественный строй папуасов основывался на принципе равенства. Большое значение имеют представленные Миклухо-Маклаем сведения о малой развитости обмена у папуасов и его обусловленности различиями в природных условиях существования отдельных деревень.

Материалы Миклухо-Маклая позволили воспроизвести с очень большой полнотой картину состояния человеческого общества на определённой стадии его развития, в основных чертах совпадающую с тем, что обнаруживается в далёком историческом прошлом всех цивилизованных народов, независимо от их расовой принадлежности.

Длительная жизнь Миклухо-Маклая среди «людей каменного века» вызвала в нём чувство уважения к их трудолюбию, изобретательности, честности, бескорыстности. Через 10 дней после приезда к папуасам Миклухо-Маклай записал в дневнике поразившее его явление: папуасы делали подарки, не ожидая вознаграждения. «Я уже несколько раз испытывал туземцев в этом отно-

---

¹ Об этом говорят следующие факты: получение главной доли наследства после умершего родственника с материнской стороны; обязанность кровной мести лежала на родственниках с материнской стороны, и т. д.

шении, т. е. не давал им ничего в обмен за принесённые ими кокосы, сахарный тростник и пр. Они не требовали ничего за них и уходили, не взяв своих подарков назад».

* * *

Одним из поворотных пунктов в жизни Миклухо-Маклая было его второе путешествие на Новую Гвинею, на берег Папуа-Ковийай (декабрь 1873 — июнь 1874 г.). О папуасах этого района ходили самые страшные слухи: говорили, например, что они убивают и съедают каждого, кто высадится на их берегу. На месте Миклухо-Маклай понял причину этих слухов. Племена папуа-ковийай в течение столетий подвергались постоянным нападениям со стороны малайцев и вследствие этого были вынуждены оставить оседлую жизнь в селениях и стать водными номадами, странствуя непрерывно в лодках с места на место, чтобы избежать смерти или рабства. Подойдя к песчаному берегу, они вытаскивали пироги на сушу и делали из них шалаши, в которых проводили несколько недель, занимаясь ловлей рыбы, сбором в лесу плодов хлебного дерева, иногда разводили скрытую в лесу плантацию сладкого картофеля. На одном месте они не рисковали оставаться долго. Однако некоторые, научившись от малайских разбойников их ремеслу, сами превратились в грабителей. Убийства, междоусобные побоища, похищения в рабство стали заурядными явлениями на берегу Папуа-Ковийай.

Миклухо-Маклай поселился у мыса Айва. Однажды, в то время, когда Маклай отсутствовал, группа в 12 человек дружественных ему папуасов подверглась нападению со стороны папуасов из бухты Бичару. Нападавших было около сотни. Центром неравного боя оказалась хижина Миклухо-Маклая. Почти все его люди были убиты, а вещи разграблены. По возвращении Миклухо-Маклаю удалось напасть на след главаря шайки, которого называли «капитаном Мавары», и арестовать его как главного виновника резни.

В сентябре 1874 г Миклухо-Маклай направляет письмо, полное негодования, генерал-губернатору Нидерландской Индии, именуемое «Запиской о политическом и социальном положении папуасов-ковийай на юго-западном берегу Новой Гвинеи». Эта записка, заключающая в себе требование принять срочные меры к уничтожению работорговли, — начало той борьбы в защиту темнокожих, которую отныне Миклухо-Маклай будет вести до самой своей смерти.

Природные богатства островов Тихого океана, уже начиная с XVI в., привлекали к себе внимание европейских колонизаторов. Климат этих широт, вредный для европейцев, делал почти невозможным физический труд белых. Авантюристы всех стран сновали по архипелагам Океании и, вследствие отсутствия твёрдой власти, а часто при прямом поощрении той же власти с невероятной жестокостью эксплуатировали и грабили туземное население. Островитяне, вооружённые палицами, копьями или луком и стрелами,

конечно, не могли оказать серьёзного сопротивления огнестрельному оружию пришельцев. В тех случаях, когда доведённые до отчаяния люди поднимали восстание, защищая свою землю, своих жён и детей, на помощь белым разбойникам приходили военные суда колониальных властей, деревни туземцев сжигались, и оставшиеся в живых «дикари», если им не удавалось скрыться в леса, попадали в рабство. Ещё более трагическим стало положение туземцев после того, как планомерная эксплуатация Австралии и прилегающих островов потребовала большого количества рабочей силы. Тогда под видом юридически оформленной контрактации рабочих вошло в практику использование рабского труда. В ход пускались спиртные напитки, обман, а подчас и прямое насилие. После заключения сделки туземец попадал в кабалу и при попытке к бегству заковывался в цепи или подвергался казни. В каких условиях работали туземцы на плантациях Квинслэнда, говорит официальный рапорт врачей (1880 г.), из которого можно, например, узнать, что в качестве питьевой воды для туземцев использовалась вода из сточных каналов на унавоженных полях и что смертность достигала в год 107 человек на тысячу. Миклухо-Маклай описал, как проводилась ловля трепанга¹ на островах западной части Тихого океана, близ экватора: «Когда ныряющие за трепангом начинают уставать и остаются дольше вне воды, у белого есть очень действительное средство, чтобы заставить их продолжать работу. Так как рука или палка не может достать туземца, то белый берёт лежащий около него штуцер, и пуля пролетает близ головы «лентяя», напоминая ему, что, попав в руки белого, он перестал быть свободным островитянином, а стал рабом белого. Пролетающие пули, хотя редко, задевают работающих (бывали, однако же, примеры неловкости (?) стрелка), содержат их постоянно в большом страхе, и часто больной уже несколько дней (всякое нездоровье на языке белого называется ленью), полуголодный, за отсутствием достаточной пищи, туземец напрягает остатки сил, которых, разумеется, нехватает надолго. Но всё же лучше туземцу заболеть во время стоянки: он может, по крайней мере, умереть более или менее спокойно; в море может случиться, что его, ещё живого, выбросят за борт».

Начиная с 1879 г. Миклухо-Маклай пишет ряд заявлений к представителям английской колониальной администрации. Глубоко обеспокоенный судьбой туземцев берега Маклая, он обращается к губернатору Фиджи и британскому правительственному комиссару в западной части Тихого океана Артуру Гордону с просьбой: 1) признания полного права туземцев Новой Гвинеи (берега Маклая) на их землю; 2) запрета ввоза и продажи туземцам спиртных напитков, оружия и пороха. «Если Ваше превосходительство, — заканчивает Миклухо-Маклай своё письмо, —

¹ Точнее, ловля голотурий; трепанг — очищенная, варёная и высушенная на солнце верхняя мускулистая кожа голотурии — лакомое блюдо в Китае и у островитян Микронезии.

считает, что, поскольку Новая Гвинея ещё не аннексирована Имперским правительством, Правительство Великобритании не в праве провозглашать свои законы, я умоляю Ваше превосходительство во имя человечества и справедливости не забыть этого письма, когда Ваше превосходительство сочтёт возможным сделать что-нибудь для моих бедных подзащитных и распространить, если возможно, эти правила также и на другие независимые части Новой Гвинеи и о-ва Меланезии». В письме к коммодору Морской станции в Китае от 29 апреля 1883 г. Миклухо-Маклай требовал оказания справедливости населению деревни Малегиоку на архипелаге Пелау, обиженному действиями не частных лиц, а британского военного корабля, который не только разрушил и сжёг все дома в деревне Малегиок, но разграбил и увёз их собственность за то, что жители не могли сразу уплатить тяжёлую контрибуцию, совершенно неправильно на них наложенную.

Миклухо-Маклай, конечно, не мог не понимать, что его просьбы не должны встретить у колониальных властей особенно живого сочувствия.

Почему же Миклухо-Маклай обращался за содействием к британским властям, что руководило им, когда он в 1883 г. просил защиты для туземцев Новой Гвинеи у самого лорда Дерби, статс-секретаря по делам колоний в министерстве Гладстона? В бумагах Миклухо-Маклая не так давно было обнаружено письмо чиновника полицейской службы в Квинслэнде, некоего Франка Шеридана, который подробно рассказал, в качестве очевидца или хорошо осведомлённого лица, об ужасах, творившихся в северо-восточной Австралии по отношению к туземцам. В форме делового отчёта описывались случаи умышленного отравления ядом целых племён после использования их в качестве рабочей силы, случаи расстрела туземцев, используемых в качестве мишени для упражнения в стрельбе, и других актов насилия.

Не может быть сомнения в том, что Миклухо-Маклай, получив сведения о претензиях Квинслэнда на приобретение некоторых островов, окаймляющих австралийский материк, был готов искать защиты для темнокожих в любом месте, не исключая английского министерства колоний, чтобы только спасти их от судьбы туземцев, описанной в письме Шеридана.

Известно, что Миклухо-Маклай разработал проект организации русской колонии на какой-либо свободной, не занятой туземцами, земле Новой Гвинеи. В архивах Миклухо-Маклая сохранилась «Схема устройства берега Маклая», составленная им в 1881 году. В ней излагается план устройства жизни папуасов: самоуправление, постепенный рост культуры, школы, дороги, мосты, обмен с другими народами... правительство — совет из наиболее уважаемых туземцев... сам Маклай — друг, советник и защитник от иностранцев... берег становится важным центром тропического земледе-

лия. Такой рисовалась Маклаю будущая жизнь дорогих его сердцу папуасов.

Этот проект был прекрасным сном Маклая. Осенью 1884 г. Отто Финш, немецкий орнитолог, проникший хитростью к папуасам, пользуясь именем великого русского путешественника, поднял германский флаг над берегом Маклая. 27 декабря (нового стиля) 1884 г. германский посол сообщил русскому правительству об аннексии Германией части северного берега Новой Гвинеи и архипелага Новая Британия. Миклухо-Маклай немедленно посылает канцлеру Бисмарку гневную телеграмму: «Туземцы берега Маклая протестуют против присоединения их земли к Германии». Он понимал, какая жестокая участь ждёт этих беззащитных людей... «Там повторится старая история,— писал Миклухо-Маклай русскому министру иностранных дел Гирсу из Сиднея в 1885 году,— людокрадство, насилие, обман при добытии рабочих и рабство на плантациях возобновится, изменив, вероятно, свою старую форму, оставаясь же в сущности насильем и рабством». Но Миклухо-Маклай не теряет надежды спасти своих друзей. Он лихорадочно работает над проектом русской колонии на ненаселённых островах Тихого океана. По этому проекту правительство должно предоставить колонии права самоуправления налогами на колониальные нужды и религиозной свободы. Колония состоит из свободных тружеников, составляет общину и управляется старшиною, советом и общим собранием поселенцев. Ежегодно чистая прибыль от труда и эксплуатации природы должна делиться между поселенцами.

Идея Миклухо-Маклая не могла не найти отзвука в демократических кругах русского общества. Имеются сведения о том, что немало людей откликнулось на призыв Миклухо-Маклая и согласилось ехать с ним к далёким берегам южных морей. В Архиве Академии наук СССР хранится подлинник письма к Миклухо-Маклаю, которое написал крестьянин б. Новгородской губернии Иван Александрович Киселёв, один из записавшихся в тихоокеанскую колонию. Он писал: «...Для бедных, но честных и мыслящих тружеников, желающих устроить жизнь на новых началах, без золотого кумира, самое лучшее средство — это переселение хотя бы на необитаемые, но производительные острова Океании... Бедняк,— писал он,— везде находит один ад на земле...»

Не удивительно, что консервативная пресса начала ожесточённое гонение как на проект, так и на самого Маклая.

Рассмотренный в особом комитете проект Миклухо-Маклая получил отрицательное заключение, которое император Александр III утвердил 9 декабря 1886 г., наложив резолюцию: «Считать это дело конченным; Миклухо-Маклаю отказать».

Надежды Маклая рухнули. Изнурительные болезни, тяжкие лишения, неудачи в борьбе преждевременно подкосили его силы. Он не успел подготовить к печати значительной части своих трудов. Он умирал в сознании полной незавершённости начатого дела.

После шести недель страданий в клинике Виллие при Военно-медицинской академии в Петербурге, 14 апреля 1888 г. по новому стилю Николай Николаевич Миклухо-Маклай скончался.

* * *

Но лучшие люди его эпохи поняли величие подвига Миклухо-Маклая и его борьбы за освобождение угнетённых рас.

В сентябре 1882 г. Лев Толстой писал Миклухо-Маклаю: «...умиляет и приводит в восхищение в Вашей деятельности то, что, сколько мне известно, Вы первый, несомненно, опытом доказали, что человек везде человек, т. е. доброе, общительное существо, в общение с которым можно и должно входить только добром и истиной, а не пушками и водкой. И Вы доказали это подвигом истинного мужества, которое так редко встречается в нашем обществе, что люди нашего общества даже его и не понимают... Мне хочется Вам сказать следующее: если Ваши коллекции очень важны, важнее всего, что собрано до сих пор во всём мире, то и в этом случае все коллекции Ваши и все наблюдения ничто в сравнении с тем наблюдением о свойствах человека, которое Вы сделали, поселившись среди диких и войдя в общение с ними и воздействуя на них одним разумом; и поэтому ради всего святого изложите величайшую подробностью и с свойственной Вам строгой правдивостью все Ваши отношения человека с человеком, в которые Вы вступали там с людьми... Напишите эту историю, и Вы сослужите большую и хорошую службу человечеству...»

В настоящее время многие тысячи людей нашей страны с гордостью произносят имя Миклухо-Маклая. Мы видим в нём одного из тех замечательных русских людей, выросших в 60-х годах, которые никогда не изменяли убеждению, что научная истина должна и может служить справедливости и любви к человеку.

В ознаменование 100-летия со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая Совет министров Союза ССР вынес постановление от 29 января 1947 г. о ряде мероприятий, увековечивающих память Миклухо-Маклая: в Ленинграде будет воздвигнут памятник Миклухо-Маклаю, имя Миклухо-Маклая присвоено Институту этнографии Академии наук СССР, учреждены докторантские и аспирантские стипендии в институтах этнографии и географии Академии наук СССР, учреждена премия его имени за лучшие научные работы в области антропологии и этнографии Юго-Восточной Азии и Океании в Академии наук СССР, учреждены студенческие стипендии его имени в Московском и Ленинградском университетах.

Так чтит память Миклухо-Маклая Советская страна, воплощающая в жизнь его мечты о братстве человеческих рас.

Редактор — кандидат биологических наук М. Г. ЛЕВИН.

А 06523.

Тираж — 75.000 экз.

Заказ № 1506.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ЛИТЕРАТУРА К ЛЕКЦИИ:

ШМИДТ Г. А. Н. Н. Миклухо-Маклай. Москва. «Госкультпросвет». 1947. 47 стр. с илл. Библиогр. 45—47.

МИКЛУХО-МАКЛАЙ Н. Н. Путешествия. Статьи, ред. текста и примеч. Л. Чуковской. М. «Молодая Гвардия». 1947. 319 стр. с илл. (6-ка путешествия).

МИКЛУХО-МАКЛАЙ Н. Н. Путешествия. М.-Л. Из-во Акад. наук СССР. 191. 1-й т. 1940. 2-й т. 1941. 300 стр. с илл.

МАРКОВ С. Николай Николаевич Миклухо-Маклай. М. «Молодая Гвардия». 1944. 96 стр. (Великие русские люди.) Биогр. очерк.

ВОДОВОЗОВ П. Миклухо-Маклай. М. «Молодая Гвардия». 1938. 216 стр. с илл. портр. (Жизнь замечательных людей, 1938, вып. 14). Биогр. стр. 214.

П. АРЕНСКИЙ. Путешествия Миклухо-Маклая. 2-е издание. «Молодая Гвардия». 1935. 224 стр. с илл.

ЯНЧУК Н. А. Николай Николаевич Миклухо-Маклай и его учёные труды. К 25-летию его кончины. 1846—1888. 1913. 84 стр. с портр.

Цена 60 коп.